

ТЕАТР В ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ МОЛОДОГО П.АНТОКОЛЬСКОГО

До недавнего времени наше представление о поэзии молодого Антокольского страдало существенной неполнотой. Было принято отсчитывать его творческий путь с 1921 г., когда вышел в свет первый сборник его стихотворений. Между тем Антокольскому было тогда 25 лет - возраст для литератора, а тем более поэта достаточно зрелый: Веневитинов, Добролюбов, Лермонтов....

В наиболее полном собрании стихотворений Антокольского, вышедшем в Большой серии «Библиотеки поэта», написанное до 1921 г. представлено лишь несколькими стихотворениями. Существенную лепту в такой подход к начальному периоду своего творческого пути внес и сам автор. Получило широкое распространение его высказывание, что он прожил четыре жизни: двадцатые, тридцатые, сороковые и пятидесятые годы. Оно приобрело такой авторитет, что стало даже заглавием единственной и весьма ценной монографии об Антокольском, написанной Л.Левиным и вышедшей двумя изданиями. Сам поэт, таким образом, предлагал считать двадцатые годы начальным периодом своего творчества, и его исследователь последовал этому указанию.

К сказанному необходимо добавить, что Антокольский относился к датировке своих произведений крайне пренебрежительно, составляя поэтические сборники, располагал в них стихи, совершенно игнорируя время их создания, а в выпущенном при его жизни четырехтомном собрании сочинений даты написания отдельных стихотворений вообще отсутствуют.

При этом не следует думать, что Антокольский был безразличен к своему раннему творчеству, не берег его, подобно тому, как Пушкин обходился с написанным в Лицее. Наоборот, они в строгом порядке сохранялись в его архиве в самые тяжелые годы, но доступ к ним был ограничен лишь самым узким кругом близких людей. И лишь около двух лет тому назад нашим достоянием стал обширный пласт произведений, составляющий целую эпоху в творческой биографии Антокольского.

Усилиями внука поэта, профессора Государственного Университета Пернамбуко (Бразилия) и профессора Международного Университета Туро (США) Анны Тоом издан сборник «Далеко это было где-то...», в котором в числе прочего 238 стихотворений напечатаны впервые, а 31 в ранее неизвесных редакциях. Эти стихи никогда не подвергались анализу, введение их в научный оборот представляет собой важную и актуальную задачу.

К счастью в этой же книге впервые опубликована также обширная автобиографическая повесть «Мои записки», содержащая сведения, помогающие глубже и правильнее понять стихи молодого поэта и дать им достоверный комментарий. Как рассказывает Антокольский, «в одно из первых

зимних утр того сезона (1915-1916) я прочел объявление на университетской доске:

*Студенческая драматическая студия
под руководством артистов Художественного Театра
Прием продолжается. Адрес: Остоженка. Мансуровский пер., дом 3*

Означало ли моё решение пойти по тому адресу решимость быть актером? Безусловно означало. Дальнейший рассказ выяснит, почему актёр из меня всё-таки не вышел»(1, с. 229). На этих испытаниях произошло его знакомство с Е.Б. Вахтанговым, человеком, который, как пишет Антокольский, определил слишком многое в его жизни, чтобы его можно было забыть. Хотя он «робел и конфузился», читал, «как всегда читают на подобных испытаниях, противным, сдавленным голосом, еле дыша от напряжения и не зная, куда девать руки и глаза», «но Вахтангову я чем-то понравился. Гораздо позже я узнал, что кому-то из близидящих он шепнул: “Вот первый талантливый человек у вас...”. Но тогда я об этом не мог догадываться. Почувствовал только некоторое доброжелательство, интерес к своей особе, и этого было достаточно, чтобы понять: я не сделал ошибки, здесь будет нужная мне среда. Так оно и вышло» (1, с. 233, 234).

Пристрастие к театру сопровождало Антокольского на всем протяжении его творческой биографии: он писал пьесы в собственном смысле этого слова. В числе произведений, впервые и опубликованных в сборнике, который подготовили Андрей и Анна Тоом: «Кукла Инфанты» и «Кот в сапогах, или обручение во сне». Принципиально важный для творческой характеристики Антокольского жанр, который сам он обозначал термином «драматическая поэма» («Вийон», «Робеспьер и Горгона»), в действительности представляет собой пьесы в стихах, драматический элемент присутствует и в других поэмах, в частности в «Коммуне 71 года».

Но особенно тесными были личные и творческие контакты поэта с театральным миром в молодости, что получило многообразное и детальное отражение в «Моих записках». Антокольский рассказывает о том, как в начале 1918 г. у него и группы его единомышленников появился свой театр, получивший название «Театр народа». У него была «хорошая аудитория». Особенную радость доводилось испытывать, когда в театр приходили красногвардейцы: «они жадны, восприимчивы, требовательны, чутко воспринимают социальную правду; они приходят в театр “образовываться”, учиться. И с ними наш театр оправдывает свое громкое название – шутка ли сказать, “Театр Народа”!» (1, с. 255).

Рассказ Антокольского о своей жизни – это, в первую очередь рассказ о Вахтангове, человеке, определившим «слишком многое в моей жизни, чтобы его можно было забыть» (1, с. 231). Сохранившиеся письма Вахтангова к Антокольскому проникнуты такой нежностью, что нельзя усомниться в мере душевной приязни, которую питал выдающийся режисер к начинающему поэту.

Перед нами проходят колоритно выписанные образы Таирова, Алисы Коонен, Станиславского и Мейерхольда, но его духовной «родиной» был театр Вахтангова. С ним он выезжал на гастроли за границу, в нем стал заведующим литературной частью, для него писал инсценировки (в частности, уэльсовского романа «Когда проснется спящий»), здесь ему «пришлось иметь дело со многими писателями, писавшими пьесы для театра: с Катаевым, Олешей, А.Толстым, Леоновым» (1, с. 318). Он пытался внушить Тынянову мысль о написании пьесы для вахтанговского театра, и Тынянов увлекся этой идеей и тут же определил тему будущей пьесы.

«В первом же разговоре Юрий Николаевич набросал сценарий и довольно подробно говорил о некоторых уже ясных для него сценах. Тогда он был еще вполне здоров, полон рабочих планов. Острота его ума была поразительна. Она сказывалась прежде всего в хватке писателя-историка. В любое прошлое он входил как свой человек и распоряжался в нем, как у себя дома. У него было особое, очень живое чутье прошлого» (1, с. 320). Антокольский сам был писателем-историком, и не трудно себе представить, как сближала его с Тыняновым именно это качество тыняновского таланта. Перед самой войной он мечтал об инсценировке «Кюхли» и хотя Антокольский к тому времени уже не работал в театре, он «взялся быть офицером связи между Тыняновым и вахтанговцами». Война и безвременная кончина писателя помешали осуществлению этих замыслов.

Очень интересен рассказ Антокольского о том, как вернувшийся из-за границы Горький читал вахтанговцам свою новую пьесу «Егор Булычев и другие». Суждения, высказанные Антокольским, пришлись Горькому не по душе: он «слушал сдержанно, сурово, ясно было, что он ждет и требует другого. Но постановку «Булычева» театр доверил именно Антокольскому. «Спектакль "Булычева" оказался лучшим из всего сделанного вахтанговцами – вспоминал Антокольский. – Успех был полный» (1, с. 337). Но именно на это время выпало расставание, по крайней мере организационное, поэта с вахтанговским театром.

То место, которое занимал театр в жизни и духовном мире Антокольского, предопределило тот факт, что театр стал одной из основных тем его юношеских стихов. Антокольский это видел и отзывался об этом с пренебрежением, вызванным в немалой степени авторской скромностью. «В стихах безвкусно и беспочвенно соединялись "Голгофа" - и "Арлекин", "Гамлет" и "Пречистинский бульвар". Я был очень пошл в это время, физически здоров и душевно пуст». И далее: «А в стихах, между тем, продолжали обитать далекие принцессы и царевны, взятые напрокат из любого Чтеца-Декламатора» (1, с. 251).

Антокольский корит себя за «далекость от жизни» и «социальное отщепенство» и ставит себе в пример другого поэта, видевшего социальные реалии глубже и пронизательнее: «Ведь уже прозвучало в русской поэзии, уже юношеский бас прогремел о том, что

...в терновом венце революций
 грядет шестнадцатый год.

Маяковский так спешил в обгон времени, что предсказал революцию на год раньше срока» (1, с. 251).

Надо сказать, что Антокольский проявляет здесь недостаточную осведомленность в истории текста «Облака в штанах». В первоначальном варианте, созданном в 1915 г., Маяковский написал: «Грядет который-то год», а издавая поэму в 1918 г., когда год революции был уже известен, постеснялся числом представлять себя пророком и умышленно поставил неверную дату: не семнадцатый, а шестнадцатый год.

В действительности Антокольский подошел к характеристике своих ранних стихов неоправданно строго. Он писал: «В моих стихах начали появляться театральные образы вроде Пьеро, Арлекина, Пиковой Дамы... Это тоже шло от Блока, но шло также и от студии, от непосредственного общения с этими новыми знакомцами, среди которых при желании можно было отыскать и Коломбину, и Арлекина, и самого Чёрта-Дьявола. Еще не существовало эстрады типа Вертинского, но её возможность уже была в воздухе той эпохи. Мои ранние стихи представляли один из эмбрионов такой эстрады. Их ритм был романсового происхождения. Я выражался туманно, но уже гнул в определенную сторону. Оригинальности не было никакой. Был продукт времени и только» (1, с. 236).

Всё это, конечно, не совсем так. Хотя ранние стихи Антокольского уступают написанному им в зрелые годы по голубине и поэтическому мастерству, они дают разностороннее и достоверное представление о его духовном и эмоциональном мире, и одно уже это определяет их оригинальность. Несомненно, от мышления театральными категориями идет готовность к перевоплощению, видению себя в различных обликах.

Я – злой старик с собакой на углу.

Я – паруса, идущие во мглу.

Я – птица ночи в синих облаках.

И я – инфанта с куклою в руках (1, с.13).

Сходный пример из того же ряда:

Я – школьник, не спавший всю ночь

Над томом Шекспира иль Данте,

Я знал королевскую дочь,

Я – карлик, влюбленный в инфанту.

Я – брат, позабывший сестру

И тайный обет расставанья... (1, с. 42).

Еще отчетливее звучит театральная тема в другом стихотворении:

Эй, Бутафор! Грозу устройте,

И в тесноте лесных кулис
 Бенгальским светом удойте
 Своих актеров и актрис (1, с. 14).

Показателен интерес к Шекспиру, отразившийся в стихах «Шекспир» и «Гамлет». Показательно и то, что в содержании обоих стихотворений явственно ощущается смысловая переключка. Шекспир в одноименном стихотворении – и «безграмотный бездельник», и «стредфордский браконьер, гроза лесничих», и «веселый друг в компании Фальстафа», и «настойчивый вздыхатель / Какой-то смуглой леди из предместья», и «готический король, / Актер на троне в мантии лоскутной, / Хромой урод – с душой как ад распутной». Но в этом обширном ряду перевоплощений и многообразных обликов, воссоздающих богатство драматической кисти Шекспира, особо выделен один, потому что он – **«выше»** всех прочих:

И выше – Принц, забывший свой пароль,
 Чья шпага – истина, чей враг – король,
 Чей силлогизм столь праведен и горек,
 Что от него воскреснет бедный Йорик.
 Иль это – недоигранная роль? (1, с. 17).

А в «Гамлете» мир одной трагедии зримо разрастается в более широкий, шекспировский мир. Не только Принц Датский, но сам его создатель говорит:

Что вы прочли? – Слова, слова, слова.
 Покойной ночи! Нет, я умираю.
 И умер шут. И выросла трава.

Эй, занавес! Я больше не играю (1, с. 17).

В сонете «Решение» перед нами снова и театральное, ролевое видение мира, и шекспировский образ:

Для юности – влюбленность и отвага,
 Для матерей – испытанная боль.
 Для Гамлета – отравленная шпага.
 У каждого написанна роль (1, с. 23).

В октябре-декабре 1915 г. создается микроцикл стихотворений («Коломбина», «Пьеро умирает») где действуют традиционные театральные персонажи, а одно из них и называется «Commedia dell'arte», и написано как драматический этюд: Пьеро и Арлекин дерутся на шпагах за сердце Коломбины. В описании жизненных ситуаций – и театральное видение, и театральная лексика:

Я к истине твоей не приспособлен.
 Ну что же в том, что наша жизнь – игра,
 Что лучший друг актёру уподоблен,
 Что мы умрем, когда придет пора (1, с. 33).

Образы, связанные с театром, некая глубинная и постоянная память о театре возникают и в стихах, где в центре внимания другие темы: «О пойте скрипки, как бывало! / Блесни, кинджал из-за кулис!» (1, с.58), «Если б актеры

заплакали / Над неизбежной судьбой / В этом нарядном спектакле, Названном "Жизнью" Тобой» (1, с.59), «Сам Одиссей пред Афиной робеет / Гамлет торжественно сходит с ума» (1, с. 84) и т.д.

С особой силой театральная тема возникнет, можно сказать, воскреснет в позднейшем, написанном в 1918 г. стихотворением «Эдмонд Кин». Образ великого артиста дает Антокольскому повод резкими мазками отобразить все многообразие театрального мира: от сценических персонажей до Директора, считающего кассу:

Лондонский ветер срывает мокрый брезент балагана.
 Низкая сцена. Свечи. Холст размалеван, как мир.
 Ложи встают горбом. В райке – напор урагана.
 Гонит за гибелью в небо пьяных актеров Шекспир.
 Макбет по вереску мчится. Конь взлетает на воздух.
 Мокрые пряди волос лезут в больные глаза.
 Ведьмы гадают о царствах. Ямб диалога громоздок.
 Шест с головой короля торчит, разодрав небеса.
 Ведьмы летят и поют. Занавес бедный задвинут.
 В клочья разорвана страсть. Отхлынул в ночь ураган.
 Кассу считает Директор. Полночь. Стол опрокинут.
 Леди к супутникам жмутся. Заперт пустой балаган (1, с. 106).

Но как ни велика приверженность молодого Антокольского театру, его проникнутость театром, себя он все же ощущает не актером, а поэтом и позиционирует себя в этом качестве настойчиво и многократно. Уже в стихотворении «Наигрыш», которое датируется 1915 г., принадлежит к самым ранним из дошедших до нас его произведений, цитированном выше в подтверждение его пристрастия к многоликости театральных перевоплощений, находят себе место строки:

Вы слышите? Мне девятнадцать лет,
 И говорят, я недурной поэт (1, с. 13).

Написанное примерно тогда же стихотворение «Эй, Бутафор! Грозу устройте...», где Бутафор – это очевидный представитель мира актеров и актрис, завершается противопоставлением этому миру другого, нашего мира:

Покойной ночи! Спите в тучах:
 Ведь это – ваше ремесло.
 А нам – и в сказках самых лучших
 Не слишком сладко и светло(1, с. 14).

Конечно, имея в виду ни кого иного, как самого себя, он пишет:
 Поэт забавляется песней, -
 Бродягам и всем, кто захочет,
 Подарит он спяну стихи.

Поэт забавляется славой,

А друга увидит, тот спросит:
Когда же издашь ты стихи?

Поэт забавляется страстью...
Поймете вы все остальное,
Прочтя остальные стихи (1, с. 24).

Когда проснулся я и посмотрел на солнце,
Давно к заутрене пропели петухи,
Я вспомнил про тебя, открыл мое оконце,
И свой последний сон переложил в стихи (1, с. 38).

Пишу стихи – вот для меня отрада:
Сходить в словах торжественных с ума (1, с. 76).

Как и многие русские поэты, Антокольский создал образ своей Музы. В стихотворении «Музе моей», написанном в 1918 г., не конкретно, но гулко отозвалось эхо грозного времени:

А ночь твоя белой была.
Для девочки, знающей много,
Найдутся в котомке у Бога
Два сильных и страшных крыла.
Рассказом ночным захлеснулась
Там, в облаках,
Ты с куклой разбитой в руках
В темнице военной проснулась (1, с.118).

А как характерно, что Антокольского-поэта роднит с его Музой общая приверженность театру:

Чтобы я не зарвался в речах,
Пой мне, Муза, о жизни бывалой!
Нас к Театру вдвоем приковало
Сумасшествие в этих ночах (1, с. 123).

Особую группу в поэзии молодого Антокольского образуют стихи, посвященные Ю.А.Завадскому. Никому другому он не посвящал тогда стихи так часто. Более того, насколько нам известно, он лишь один раз на протяжении своего многолетнего творческого пути написал акrostих. Уже своеобразная уникальность обращения Антокольского к этой классической поэтической форме побуждает привести текст этого стихотворения.

Звезды сыплються в карманы клоунов дождем сластей.
Африканские удавы на афишах ждут гостей.
Вверх – трапеции на блоках. В люк – машины пантомим.
А директор скалит зубы и размазывает грим.

Доктор? Клоун? Ангел? Птица? Не поймешь его никак.
 Свистнул хлыст. Парик растрепан. Пляшет в небе красный фрак.
 «Караул, - кричат в партере, ваш Директор – сущий Дьявол.
 Он в Стамбуле обезглавлен. Он в Японском море плавал».
 Музыкальный ветер свищет по лицу, как тонкий хлыст.
 Улетает в круглый купол, в Млечный путь эквилибрист (1, с.125).

К отношениям с Завадским Антокольский не раз возвращается в «Моих записках», и каждое написанное им слово дышит неподдельной искренностью. Нет ни малейшей попытки приукрасить человека, которого Антокольский так долго и преданно любил или представить их отношения в идеализированном, возвышенном свете.

Он не мог вспомнить точной даты их знакомства, но обстоятельства первых встреч и впечатления, которые они не него произвели, воссоздал не только точно, но и аналитически. Он писал: «Это был случай, но он определил слишком многое в дальнейшем, чтобы назвать его только случаем. Я убежден, что в юности встречаются именно те, кому надлежит встретиться, что напряженный поиск друзей или тех, кто должен стать другом, всегда увенчивается успехом, что верный инстинкт отбора всегда руководит нами. С Ю.А. мы стали друзьями, очень близкими и преданными друг другу. У нас был одинаковый вкус, одинаковые симпатии и в театре, и в поэзии, и в живописи <...> Так же, как и я, он был продуктом времени и среды» (1, с. 240).

Когда Антокольский написал свои пьесы «Инфанта» и «Обручение во сне», главным их пропагандистом «сделался мой друг Завадский. В нем проснулся будущий, потенциальный режиссер. Здесь он нашел материал, свойственный себе, и это не удивительно. Ведь я тоже был под влиянием его фантастических живописных композиций <...> Мы сошлись еще раз с Ю.А., и этот раз как будто окончательно. Он решил ставить мои пьесы, пускай подпольно, не разглашая своего решения. <...> Пошли репетиции. Они были бестолковы, дело двигалось плохо. Мы не всегда понимали друг друга. Я много раз переделывал написанное, иногда вносил живое, но чаще портил. Юра был не уверен в себе, требовал от исполнителей невозможного, загонял их в бессодержательную форму. Мы ссорились, расходились огорченные и снова ввязывались в дело, и снова безнадежно опускали руки» (1, с. 247). Об осени 1916 г. Когда шли описанные здесь репетиции «Обручения», Антокольский пишет: «Это был разгар дружбы с Завадским» (1, с. 251).

Тщетно было бы искать в стихах, посвященных Завадскому, какое-то подобие его портрета или сколько-нибудь прямой отзвук событий, происходивших в их отношениях. Но все они пронизаны темой театра, который был важнейшей связующей их нитью, театральными образами и персонажами. Уже первое из них, датированное 1915 годом, завершают такие стихи:

И бедный Смех проходит, спотыкаясь,
 Уродливый, со скрипом и горбом,

Как Хлестаков, во фраке голубом.
И облака, шурша и задвигаясь,
Повисли над линючей пестротой,
Как занавес комедии пустой (1, с. 19).

А в дальнейшем этот «бедный Смех» будет все набирать силу и станет в стихах 1916-1918 гг. в полной мере определять тональность. Появятся «инфанты бледные», выслушивающие лесть «горбатых карликов», и «сестры Золушки», жаждущие получить хрустальный башмачок, которым поэт адресует иронический вопрос: «О чем вы плачете – о жизни или кукле». Снисходительно он посмеивается над Арлекином:

Серенада Арлекина не нова
Точно так же, как святая синева.
Точно так же, как цветенье красных роз
В черном пламени рассыпавшихся кос (1, с. 61).

В последующих стихах эта тональность все нарастает, звучит громче и откровеннее:

Словно гроб, косоугольный зал.
Сам Директор заправляет лампы
И швыряет пачками либретто
Сверху – на потертый бархат лож (1, с. 75).

А дальше кареты «тянутся в расхлябанную ложь», «чопорный Маэстро» зовет на битву «пьяный Рок», плачет и сопит фагот, а скрипки «из нескладного оркестра» бьются в закоптелый потолок, дьявольская fuga несет нас в черную пробитую дыру, и все это завершается призывом:

Эй, Директор, приходи, обшарь карманы
И заплачь от злости и тоски! (1, с. 75).

И вот последнее из стихотворений, посвященных Завадскому, пронизанное саркастической насмешкой от первой до последней строки:

Буря дискантов. Рыжие трубы. Тысяча роз.
Брат мой наездник с бешеной прядью белых волос.
Мчится аллюром. Розу губами взял на лету.
Грохнулся наземь. В небо проснулся. Сжег пустоту.
К челке пригнулся. Хлыст над собою поднял легко.
Фалды как крылья. Вот он гарцует в звездном трико.
Вот они – графства – губы – театры – мир – города.
Сорок миллиардов долларов плата за выходá (1, с.104).

Театр был, конечно, не единственной темой лирики молодого Антокольского. Но этой теме принадлежит в его творчестве особое, можно сказать, определяющее место. При всех элементах подражательности, в наличии которых корил себя сам поэт, именно эта тема определяет своеобразие его облика и отражает особенности его биографии, особенно в период его становления.

Литература

1. Антокольский П. Далеко это было где-то...М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.

Аннотация

В статье на материале автобиографической повести Антокольского «Мои записки» и стихов 1915-1918 гг. показано место театра в биографии поэта, его связи с артистическим миром. Исследована природа образов, порожденных его приверженностью театру. Особое внимание уделено стихам, посвященным Ю.А.Завадскому, с которым Антокольского связывали многолетние и тесные личные и творческие контакты.

Ключевые слова: автобиографическая повесть, театр, стихи.

Анотація

У статті на матеріалі автобіографічної повісті Антокольського «Мої записки» і віршів 1915-1918 рр.. показано місце театру в біографії поета, його зв'язки з артистичним світом. Досліджено природу образів, породжених його прихильністю до театру. Особливу увагу приділено віршам, присвяченим Ю. А. Завадському, з яким Антокольського пов'язували багаторічні й тісні особисті й творчі контакти.

Ключові слова: автобіографічна поема, театр, вірші.

Summary

The article is based on the material of the autobiographical novel by Antokolskiy "My Notes" and poems of 1915-1918 shows the role of the theater in the biography of the poet, his connections with the artistic world. The nature of the images, generated by his passion for the theater, has been analyzed. The particular attention has been given to poems devoted to A. Ju. Zavadsky, with whom P. Antokolskiy had long-term close personal and creative contacts.

Key words: autobiographical novel, theater, poems.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати

Доктором филологических наук, профессором Фризман Л.Г.